

Еще раз о голом короле

Путешествие в зону нематериальной живописной чувствительности

Александра
Белгородская

Екатерина Андреева. Все и Ничто. Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2004, 512 с.

Парадокс, но факт: с тех пор как искусство в начале XX века освободилось от пут академизма и вышло на улицу к широким массам, широкие массы перестали его понимать. Экспонаты вроде «Фонтана» Дюшана и «Черного квадрата» Малевича до сих пор вызывают недоуменные, а порой и возмущенные отклики музейных посетителей. Новое искусство требует разъяснений. Книга санкт-петербургского арткритика Екатерины Андреевой одна из тех немногих, что как раз посвящены этой благородной, но неблагодарной задаче — растолковать если не смысл, то хотя бы логику художественной культуры второй половины прошедшего столетия.

В основе книги — цикл лекций. Это и гарантирует изданию ряд неопровержимых достоинств: повествование строится здесь в основном на изложении фактов жизни нескольких «знаковых» персонажей западного искусства XX века — Джексона Поллока, Ива Кляйна, Энди Уорхола, Синди Шерман и наших соотечественников Тимура Новикова и Ильи Кабакова. Хроника их художественной карьеры умело приправ-

В современном искусстве кто-то обязательно оказывается с ослиными ушами: либо художник, либо зритель.
Мэтью Барни. Персонаж из видеопроекта «Крематор». 1994–1995 гг.

художников параллелями с философскими исканиями XX века — феноменологией, экзистенциализмом, философией языка (хотя эти аналогии не всегда в равной степени корректно объясняются:

и религиозных исканий хоть и рискованно, но оправданно: подобно русским авангардистам начала века, Поллок, Кляйн, Уорхол и иже с ними претендовали ни много ни ма-

устремленное к Ничто, ведь, как убеждали европейские мыслители нескольких направлений и школ, Все способно реализоваться или быть дерализованным лишь в пустоте Ничто». Отсюда же и особая атмосфера эзотеричности, которая многих так притягивает и многих так отталкивает в современном искусстве. Современное искусство выискует к оппонентам и находит адептов, которые в наш прагматичный век готовы отдать «Все» за «Ничто»: «После выставки «Пустота» Кляйн придумал торговлю «зонами нематериальной живописной чувствительности». Он отправлял покупателю счет и получал назад заполненный чек. Если покупатель хотел «преисполниться абсолютном», он должен был заплатить двойную цену в золоте из расчета 20, 40, 80 граммов и так далее по прогрессивной шкале». Лучшее, что в данной ситуации может сделать арткритик, это показать, каким же образом старый трюк с голым королем все еще работает.

Если покупатель хотел «преисполниться абсолютном», он должен был заплатить двойную цену в золоте

ляется отзывами современной критики. За счет этого история личного успеха художников постепенно перерастает в историю художественных направлений: от абстракционизма начала века автор подводит акkurat к абстрактному экспрессионизму Поллока, от дадаизма Дюшана — к антропометрии 50-х годов, от «вещевого» абстрактного экспрессионизма к гламурному товарно-фетишистскому поп-арту и т.д. С своей стороны Андреева снабждает самоинтерпретацию

например, указывая на подспудную связь монохромов Кляйна с идеей «изобразительной семантики», Андреева пишет что слово «пропозиции» — выражение австрийского философа Людвиг Витгенштейна, что, конечно, строго говоря, неверно, ибо оно просто является английским эквивалентом немецкого «Satz»; Витгенштейн, как известно, написал свой трактат по-немецки).

Как бы там ни было, выведение художественной практики XX века в сферу философских

ло на статус провозвестников новых религий (все подробности — в книге). Отсюда и экстравагантное название книги «Все и Ничто», которое, по мысли автора, должно кратко, но исчерпывающе объяснить содержание всего современного искусства: «уже одно... перечисленные произведения известных мастеров модернизма и постмодерна, варианты которых украшают крупнейшие коллекции, позволяет представить современное искусство как Все,